

После этого они продолжали общаться в прохладно-равнодушной манере — ни близко, ни далеко. Любой, у кого есть глаза, видел, что они дуются друг на друга.

Конечно, сам Цяо Си так не считал.

Как только он собрался нагнуться, чтобы собрать хворост, Шэнь Игуан, который до этого поджидал поблизости, как дикий леопард, готовый к прыжку, стремительно бросился вперед. Он протянул свою длинную руку, схватил вязанку сухих дров и поднял её с невозмутимым выражением лица и внимательным взглядом, устремленным на Цяо Си, тихо сказав: «Позволь мне».

Цяо Си приподнял бровь. Если есть бесплатная рабочая сила, почему бы не воспользоваться?

Он без церемоний приказал Шэнь Игуану положить дрова у печи на кухне, а затем присел на корточки, чтобы зажечь огонь кресалом. Подобные сцены повторялись последние несколько дней. Как только Цяо Си пытался что-то сделать, Шэнь Игуан всегда оказывался на шаг впереди, чтобы помочь, воплощая дух неустанного, трудолюбивого работника без единой жалобы.

Даже когда Цяо Си ничего не делал, он следовал за ним по пятам, и на его лице буквально было написано «пожалуйста, прости меня».

Даже Цэньэр заметил, что что-то не так. Дергая дядю за рукав, он тихо спросил: «Ты опять рассердил Сигэ?»

Что значит «опять»?

Шэнь Игуан стоял неподвижно снаружи кухни, тоскливо глядя на Цяо Си, который сидел на корточках у печи, кипятя воду, чтобы приготовить на пару булочки. Его брови были низко опущены, и выглядел он ужасно удрученным.

Цэньэру было любопытно узнать причину их ссоры, и он прислонился к дверному косяку кухни, вытягивая шею, чтобы заглянуть внутрь.

«Что ты там высматриваешь?» — Цяо Си бросил на него острый взгляд и прикрикнул: «Разве я не говорил тебе пойти покормить кур?»

Цэньэр быстро объяснил: «Я уже покормил! Они сыты и теперь дремлют».

Цяо Си фыркнул и бросил еще один взгляд на высокого, раздраженно сказав: «Скажи моему дяде, чтобы отошел подальше — он загораживает мне свет».

Но это была чистая ерунда — просто предлог, чтобы досадить ему.

Прежде чем Цэньэр успел заговорить, Шэнь Игуан уже послушно отошел в сторону. Цэньэр тут же последовал за ним, как маленький хвостик, прижимаясь к боку дяди.

Цяо Си молча уставился на них двоих — большого и маленького — с лицами, которые на семьдесят процентов были похожи, смотрящими на него в унисон. В конце концов, он не удержался и рассмеялся от досады.

Он серьезно подозревал, что Шэнь Игуан зря вымахал таким высоким. Какой прок от всех этих

мускулов, если он до такой степени боится его?

— Тебе весело играть с Фу'эром и остальными? — спросил Цяо Си.

Цэнь'эр быстро кивнул. — Очень весело!

По знаку Цяо Си Цэнь'эр начал делиться своими впечатлениями.

Он рассказал, как Фу'эр научил его лазать по деревьям голыми руками, как Си Нью дал ему самодельную хлопушку, чтобы взорвать высушенный коровий навоз, как Маленькая Сестричка Хуа научила его плести «колыбель для кошки»*, как они вместе играли в прятки и гонялись за кошками, собаками и утятами по всей деревне.

Услышав, что ему весело, Цяо Си с нежностью погладил его по голове. Он видел, что с тех пор, как он вернулся на днях, Цэнь'эр заметно повеселел. Он стал больше говорить, его глаза теперь блестели с живостью и энергией, свойственной ребенку его возраста, и он больше не хмурил брови в постоянном беспокойстве.

Хотя раньше Сяочжузи иногда навещал его, сейчас он был «болен» и не мог появляться. К тому же, учитывая робкий и замкнутый характер Цэньэра, ему нужно было завести более разнообразных друзей, чтобы по-настоящему влиться в коллектив.

Цяо Си изначально решил больше не вмешиваться в дела Шэнь Саньлана, но, видя, как искренне он последние несколько дней льнул к нему, чтобы извиниться, его сердце вновь смягчилось.

«Ладно, иди уже», — махнул рукой Цяо Си. Цэньэр, получив приказ, тут же развернулся и побежал, не колеблясь ни секунды — будто у него задница горела.

Когда Цэньэр ушел, Шэнь Игуан нерешительно шагнул внутрь. Судя по тому, как Цяо Си только что говорил с Цэньэром, он догадался, что тот, вероятно, больше не сердится, поэтому осторожно вошел — но все же держал почтительное расстояние, боясь, что Цяо Си снова на него накричит.

Огонь в печи ярко пылал, красное свечение освещало лицо Цяо Си необычным сиянием, делая его еще более привлекательным, чем обычно. Шэнь Игуан, стоящий рядом, не мог отвести от него взгляд.

Цяо Си не замечал ничего необычного. Он бросил еще одно полено в печь. Через некоторое время он наконец заметил, что Шэнь Игуан все еще стоит там как вкопанный, и рявкнул: «Ты ослеп? Не можешь снять крышку?»

Его слова вывели Шэнь Игуана из почти трансового состояния. Вздрогнув, он быстро шагнул вперед и поднял крышку котла. Волна пара вырвалась наружу, затуманив его зрение.

Что только что... произошло?

Шэнь Игуан чувствовал смесь растерянности и беспокойства. Только когда Цяо Си окликнул его, он понял, что в те несколько коротких мгновений его сознание, казалось, вышло из-под контроля — будто он покинул свое тело — и после этого он ничего не помнил.

Что случилось?

Шэнь Игуан изо всех сил пытался вспомнить, но мог лишь смутно припомнить, как смотрел на лицо Цяо Си, а затем...

А затем что?

Он совсем не помнил.

Когда Цяо Си снова поднял голову и увидел, что Шэнь Игуан все еще стоит как вкопанный перед котлом, он нахмурился. «Тебе не жарко стоять там в пару?»

Шэнь Игуан быстро отступил на несколько шагов, но перед его одежды уже пропитался паром, даже на ресницах повисли капельки.

Видя его ошеломленный вид, Цяо Си покачал головой и вздохнул. «Я что, бог подземного мира? Ты так меня боишься?»

Поняв, что его неправильно поняли, Шэнь Игуан быстро покачал головой. «Нет! Я думал о другом».

В комнате снова воцарилась тишина. Шэнь Игуан улучил момент и сказал: «То, что случилось в тот день, полностью моя вина. Мне не следовало так говорить. Я не только косноязычен, но и слеп сердцем. Когда я паникую, я говорю не те вещи. Пожалуйста, не обижайся на такого грубого человека, как я».

Говоря это, он осторожно сделал шаг ближе и добавил: «Если ты все еще зол, ты можешь побить меня, чтобы выпустить пар».

Его лицо было полно нетерпеливого ожидания, будто он умолял, чтобы его ударили, отчего Цяо Си закатил глаза. «Я никогда не видел никого, кто так хотел бы получить по морде. Я же сказал, что не злюсь — что ты делаешь?»

«К тому же, говорить о битье и ругани в гневе — это только между влюбленными. Мы двое взрослых мужчин играем в эту игру? Разве это не странно?»

Многие из использованных им слов были незнакомы, и Шэнь Игуан не понимал, что означают «влюбленные» или «пара». Но он мог сказать, что Цяо Си действительно больше не злится. Тем не менее, он чувствовал себя обиженным. «Но ты игнорируешь меня».

«Когда я тебя игнорировал?» — Цяо Си счел его обвинение абсурдным. «Разве ты не видел, как я был занят последние два дня?»

«С тобой и Цэньэром здесь, двумя лишними ртами, которые нужно кормить — особенно ты, который жрешь и пьешь как бездонная бочка — если бы я не суетился без остановки, что бы мы вообще ели в канун Нового года за семейным ужином!?»

«Воздушное рагу!?»

Он произнес длинную тираду, но Шэнь Игуан уловил только «семья из трех человек». Полностью проигнорировав оскорбление насчет того, что он обжора, уголки его губ произвольно поползли вверх.

Ему очень понравилась эта формулировка.

Увидев, как он внезапно улыбнулся, Цяо Си почувствовал, как по спине пробежал холодок, и

спросил: «Чему ты улыбаешься?»

Какого черта? У этого парня что, мозги повредились? Его обозвали обжорой, а он все равно рад?

Но из-за этого небольшого инцидента холодная война, длившаяся меньше трех дней, между ними закончилась.

Шэнь Игуан воспользовался возможностью, чтобы серьезно поговорить с Цяо Си. Он по-прежнему осторожно избегал раскрывать что-либо о происхождении Цэньэра, объяснив лишь важность Цэньэра для него и почему он потерял контроль в тот день. Прожив и питаясь вместе два месяца, Шэнь Игуан чувствовал, что хорошо понимает характер Цяо Си, и верил, что даже если Цяо Си захочет, чтобы они ушли, он не предаст их личности или местонахождение.

Но он не мог рисковать.

Если однажды его местоположение будет раскрыто, чем меньше Цяо Си будет знать, тем безопаснее для него. Таким образом, те люди не доставят ему хлопот.

После их сердечного разговора Цяо Си наконец понял, как сильно Шэнь Игуан заботится о Цэньэре.

«Значит, твоя сестра умерла так рано».

Возможно, из-за своего собственного прошлого, Цяо Си относился к жизни и смерти легче, чем другие. Он похлопал Шэнь Игуана по плечу в знак утешения и тихо сказал: «Я знаю, что потеря семьи — это самое трудное, но те, кто остался в живых, могут только стиснуть зубы и продолжать жить. Иначе твои близкие под землей будут волноваться».

Говоря это, в его глазах также была заметна печаль. Шэнь Игуан вспомнил, что Цяо Си тоже рано потерял родителей — они были попутчиками в этом мире. Поэтому он спросил: «На днях я убирался на заднем дворе и увидел свежую могилу, но на ней не было ни надгробного камня, ни надписи. Это для твоих родителей?»

Цяо Си помолчал мгновение, затем покачал головой.

Он не мог объяснить Шэнь Игуану, что внутри пусто — что там ничего не зарыто.

Никто, кроме него, не знал, что «Цяо Си» из деревни Таое давно умер. Теперь все предполагали, что его характер изменился из-за амнезии. Но тот человек, которого вырастила госпожа Чжун и другие, уже никогда не вернется.

Цяо Си хранил этот секрет в тайне. Ему не с кем было поделиться, он даже не мог говорить об этом — и чувствовал себя еще более одиноким.

Хотя Шэнь Игуан был эмоционально бесчувственным, в остальном он был чрезвычайно проницателен. Он постепенно начал чувствовать, что у Цяо Си много секретов, известных только ему самому.

Дядя Цинь говорил, что Цяо Си вырос в деревне Таое с рождения. Но иногда Шэнь Игуан замечал проблеск одиночества на лице Цяо Си — тихую меланхолию, которая не принадлежала этому месту. Будто он был не отсюда.

Но в этом не было смысла. Как можно быть незнакомым с местом, где ты вырос?

Это лишь подогревало любопытство Шэнь Игуана и желание узнать. Он жаждал раскрыть секреты, которые Цяо Си намеренно скрывал.

Но он никогда не спросит. Как человек, у которого тоже есть секреты, которыми он не может поделиться, он понимал, что некоторые вещи важнее самой жизни. Он ценил Цяо Си и не будет грубо вмешиваться.

Кроме того, Шэнь Игуан предпочитал сам узнать все о Цяо Си, чем получить, возможно, ложный ответ.

Они сидели рядом на пороге двора, глядя вдаль, как зимнее солнце медленно садится и полоса фиолетового тумана расплзается по горизонту.

Подул ветерок, взъерошив волосы Цяо Си, и они коснулись щеки Шэнь Игуана — было щекотно.

Как и следовало ожидать, Шэнь Игуан поднес руку и почесал лицо, затем внезапно уловил слабый аромат мыльных бобов от волос Цяо Си. Он вспомнил, что Цяо Си только вчера мыл голову.

Такие мыльные бобы были дешевыми, без обработки и без сильного запаха. Цяо Си не любил использовать масло для волос и всегда давал им высохнуть естественным путем, не перенося никаких ароматов.

Тем не менее, Шэнь Игуан чувствовал, что этот слабый запах мыльных бобов был ароматнее любых эфирных масел, которые он когда-либо использовал.

При этой мысли его тело постепенно нагрелось, и в глазах на мгновение появилась дымка — хотя он еще не заметил изменений в себе.

Цяо Си оперся подбородком на обе руки, с жадностью глядя на заходящее солнце.

А в глазах мужчины, сидевшего рядом, он был так же прекрасен, как этот вид.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17973/1728852>